

Лишь когда Ли Шэнъянь наконец немного успокоился, он поведал Лу Чжаньянь историю своей любви к Ху Юньи.

Оказалось, за их плечами осталась бурная, полная душевных потрясений драма. Финал её, впрочем, оказался банален и жесток: женщина ушла, бросив Шэнъяня, а вскоре оборвала и собственную жизнь. Чжаньянь понимала, что они любили друг друга до безумия, сгорая в пламени этой страсти без остатка. Но что заставило Юньи сделать такой выбор? Какая непреодолимая преграда встала на её пути, если даже истинная любовь не сумела удержать её от рокового шага? Чжаньянь отказывалась верить, что эта женщина могла добровольно отказаться от Ли Шэнъяня — мужчины столь великодушного, любящего и ранимого.

Будь на её месте Чжаньянь, она, не колеблясь, отдала бы жизнь ради любимого, лишь бы не обрекать его на вечные муки. Но Юньи ушла в небытие, забрав с собой душу Ли Шэнъяня. Сумеет ли он когда-нибудь вернуть её к жизни? Этот вопрос оставался без ответа, и где искать его, никто не знал.

Когда они спустились с обрыва к просёлочной дороге, окрестности уже поглотила глухая ночь. Вокруг расстилалась глушь, под ногами вилась лишь узкая, едва заметная тропа. Кромешная тьма скрывала ориентиры. Ледяной ветер свистел в кронах невидимых деревьев, заставляя обоих дрожать от холода.

Чжаньянь крепко сжала ладонь Шэнъяня. Вопреки тому, что его сердце давно превратилось в ледяную пустыню, рука мужчины оставалась удивительно тёплой, а в его теле всё ещё теплилась упрямая жизнь.

В этом был весь Ли Шэнъянь — человек, рядом с которым отступали любые тревоги. Казалось, стоит лишь оказаться поблизости, и все заботы испарятся сами собой. Просто идти рука об руку, чувствовать плечо этого человека и ни о чём не думать — вот оно, самое тихое, подлинное счастье.

Тишину нарушил резкий звонок. Чжаньянь торопливо выслушала собеседника и повернулась к Шэнъяню:

— Шэнъянь, брат приехал! Он уже близко, скоро мы будем дома.

— Чжаньянь, — негромко произнёс он, — возвращайся с ним. Мне нужно задержаться, есть дела.

— Что? — удивилась девушка. — Но почему? Неужели ты хочешь вернуться туда? Или дело в моём брате?

— Нет, — покачал головой Ли Шэнъянь. — Мне просто нужно забрать машину. Завтра рабочий день, я не могу бросить её посреди пустыря.

Не успел он договорить, как темноту прорезал яркий свет фар. Автомобиль затормозил в нескольких метрах от них. Дверцы распахнулись, и наружу вышел Лу Чжаньбай в сопровождении четырёх телохранителей. Они решительно направились к паре.

— Твой брат здесь, — Ли Шэнъань мягко высвободил свою руку. — Я пойду.

Он развернулся и зашагал прочь, растворяясь во тьме.

— Шэнъань! — крикнула девушка, но её голос перекрыл резкий окрик Лу Чжаньбая:

— Ли Шэнъань! Стоять!

Тот нехотя замер.

Чжаньбай в несколько размашистых шагов преодолел разделявшее их расстояние и мёртвой хваткой вцепился в плечо Шэнъаня. Оглянувшись, тот увидел привычную маску ярости и уязвлённого самолюбия на лице молодого господина Лу. Чжаньбай уже открыл рот, чтобы выплеснуть гнев, но его взгляд упал на окровавленные руки прокурора. В груди Лу Чжаньбая мгновенно вспыхнула резкая, удушающая боль, будто сердце пронзило острой иглой.

— Что с твоими руками? — спросил он, пытаясь скрыть за внешним спокойствием внезапно накативший страх.

— Пустяки, — бросил Шэнъань, высвобождая плечо, и снова попытался уйти.

— Куда ты собрался? — Чжаньбай опять преградил ему путь, хватая за рукав. Голос его угрожающе упал.

— Забирай сестру и уезжайте. Она пережила сильное потрясение, — ровно ответил Ли Шэнъань. — А мне нужно забрать машину. Доберусь сам.

— Да сдалась тебе эта развалюха! Жизнь тебе не дорога, что ли?! — окончательно вскипел Чжаньбай.

— Брат... — робко вмешалась Чжаньлань.

Хотя Чжаньбай до сих пор даже не удостоил её взглядом, она панически боялась его гнева, особенно здесь, при Шэнъане.

— Молчи! — рявкнул на неё Чжаньбай, даже не поворачивая головы. — Живо в салон! С тобой я дома поговорю!

— Ты как с ней разговариваешь? — внезапно ледяным тоном осадил его Ли Шэнъань.

Он резко рванул руку на себя. От этого толчка Чжаньбай не удержался на ногах, покачнувшись и едва не полетел в дорожную пыль.

— Брат! — испуганно вскрикнула Чжаньлань, бросаясь к нему и поддерживая за локоть. — Ты цел?

Оскорблённый до глубины души Лу Чжаньбай грубо отпихнул сестру и, потеряв над собой контроль, замахнулся, метя кулаком прямо в лицо Шэнъаню.

Ли Шэнъань легко уклонился, сделав короткий шаг в сторону. Чжаньбай, вложивший в удар всю злость, позорно рассёк воздух и снова едва не завалился вперёд.

Охранники переглянулись, топчась на месте. Без прямого приказа хозяина вмешиваться в семейную разборку никто не решался.

Окончательно обезумев от унижения, Чжаньбай взревел. На его лбу вздулись вены, глаза налились кровью, и он диким зверем бросился на прокурора.

Шэнъань хладнокровно встретил его встречным ударом ноги прямо в солнечное сплетение.

Лу Чжаньбай даже не успел среагировать. Получив сокрушительный пинок, он глухо охнул, согнулся пополам и рухнул на колени, судорожно хватая ртом воздух.

— Брат! — закричала Чжаньлань, падая перед ним на колени и пытаясь удержать его за дрожащие плечи. Затем она испуганно посмотрела на прокурора: — Шэнъань, умоляю, хватит! Он же не умеет драться, ты его покалечишь!

Ли Шэнъань перевёл взгляд с плачущей девушки на скорчившегося от боли Чжаньбая. Не сказав ни слова, он опустил руки и снова развернулся к дороге.

— Ли... Шэнъань! — прохрипел из дорожной грязи Чжаньбай, захлёбываясь от бессильной ярости. — Ты поднял на меня руку?! Сволочь! Смерти захотел?! — Он резко вскинул голову и заорал на замерших телохранителей: — Вы чего встали, дебилы?! Раскатайте этого ублюдка! Живого места на нём не оставляйте, бейте на хрен!

Четверо амбалов медлить не стали. Натренированный инстинкт сработал мгновенно — они плотным полукольцом отрезали Шэнъаню пути к отступлению.

— Нет! Не надо! — взмолилась Чжаньлань, пытаясь броситься наперерез, но брат крепко вцепился в подол её платья, не пуская. — Брат, останови их! Он же ранен, у него все руки в

крови! — слёзы градом покатились по её щекам.

— Бейте его! — безжалостно отрезал Чжаньбай.

И в ту же секунду завязалась яростная, жестокая драка.

Только теперь Чжаньбай впервые воочию увидел, на что способен Ли Шэнъань. Тот двигался с невероятной грацией — молниеносно, точно, без единого лишнего жеста, словно мастер боевых искусств со страниц древних хроник. Суровое, предельно сосредоточенное лицо, точёный силуэт и безупречная выправка — в этот миг, вопреки происходящему безумию, Чжаньбай почувствовал, что теряет рассудок от этой дикой, извращённой любви к нему.

"Я больной ублюдок, раз пускаю слюни на него прямо сейчас", — мелькнуло в голове Чжаньбая. Но обида от сокрушительного пинка в живот быстро вернула его к реальности. Гнев снова застилал глаза. "Ничего, пусть его проучат. Он должен наконец запомнить своё место!"

Телохранители Лу Чжаньбая были элитными бойцами, прошедшими суровую школу. Но даже вчетвером они не могли с ходу зажать Шэнъаня. Тот кружил среди них невидимым вихрем, уклоняясь от тяжелых выпадов и мгновенно вычисляя малейшие бреши в обороне. Бойцы завелись — привыкшие гонять обычную шпану, они наконец встретили равного и опасного противника. В его стойке угадывались элементы Кулака Удан, жёсткие приёмы Саньда и стремительные блоки Карате, переплавленные в уникальный, практичный стиль. "Да этот парень чертов гений", — с профессиональным восторгом подмечали нападавшие, натываясь на глухую защиту.

Схватка затягивалась. Прошло уже прилично времени, но чаша весов так и не склонилась ни в одну из сторон. Чжаньлань, забыв про слёзы, в панике металась неподалёку, выкрикивая слова поддержки: "Шэнъань, сзади!", "Осторожнее!"

Чжаньбай, всё ещё потирая ушибленный живот, зверел от бессилия и подливал масла в огонь, подбадривая своих людей злобным матом.

"Твою мать, устроили тут шоу", — злобно подумал Шэнъань, уворачиваясь от очередного хука.

Его противники работали слаженно, силы их казались неиссякаемыми. Шэнъань же, измотанный событиями этой бесконечной ночи, чувствовал, как свинцовая усталость наливает мышцы. Движения становились вязкими, реакция притуплялась. Он понимал: долго так не протянуть.

Нападавшие тоже почувствовали, что прокурор выдыхается. Один из них улучил момент и со всей силы пробил Шэнъаню по травмированной правой руке. Тот сдавленно застонал, рефлекторно отпрянув, но тут же получил мощнейший пинок в спину, от которого в глазах поплыли круги. Посыпался град скоординированных ударов: по рёбрам, по голени, в солнечное сплетение. Шэнъань принимал их один за другим, но упрямо отказывался падать.

Телохранители, не получая команды "отбой", методично ломали его оборону. Собрав последние крохи воли, Ли Шэнъянь заставил себя выпрямиться и снова ринулся в бой.

В тусклом, колеблющемся свете фар силуэты дерущихся казались фантастическими тенями. Ослеплённый злобой Чжаньбай и бьющаяся в истерике Чжаньлань даже не замечали, что одежда Шэнъяня уже насквозь пропиталась кровью, хлещущей из его разодранных ладоней, а из рассечённого угла рта течёт тёмная струйка.

Мир вокруг Ли Шэнъяня начал двоиться. Внимание ускользало, каждый взмах кулака требовал колоссальных, нечеловеческих усилий. Но гордость и упрямство держали его на ногах. Он не сдастся. Не перед этим избалованным ублюдком.

Телохранители видели, что парень на пределе. Его кровь уже пачкала их собственные кулаки и одежду. Им было не по себе: драка "четверо на одного" и без того отдавала подлостью, а этот прокурор дрался как раненый лев. Один на один он раскидал бы их без труда — каждый из нападавших в душе признавал его безоговорочное превосходство. Но приказ есть приказ. Они мельком оглянулись на молодого хозяина, надеясь увидеть отмашку, но Лу Чжаньбай, казалось, упивался триумфом и не собирался прекращать экзекуцию. Охранникам ничего не оставалось, кроме как продолжить методично избивать слабейшего Шэнъяня.

Сам Шэнъянь почти перестал чувствовать боль. В голове звенело, тело онемело от шока. Странно, но каждый новый удар теперь приносил какое-то дикое, спасительное облегчение. Острая физическая боль заглушала душевную пустоту, уносила сознание куда-то ввысь, позволяя забыть о кошмаре, в который превратилась его жизнь после ухода Ху Юньи.

Он всё ещё отмахивался, его удары были слепыми и медленными. Он больше не защищался. Тяжёлые затрешины сыпались на него градом, заставляя пошатываться и кружиться на месте. Разум медленно угасал, проваливаясь в спасительную серую мглу.

Финальный удар — сокрушительный, пришедшийся точно в челюсть, — оборвал всё. В глазах Ли Шэнъяня вспыхнул и погас сноп искр. Мир резко перевернулся, земля ушла из-под ног, и он мешком рухнул в дорожную грязь, окончательно потеряв сознание.